

**«Proces cum figuris»:
отражение философско-эстетических концепций Д. Годровой
в ее художественных произведениях**

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Цитирование

Кожина С. А. «Proces cum figuris»: отражение философско-эстетических концепций Д. Годровой в ее художественных произведениях // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 256–273. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.13

Статья поступила в редакцию 12.09.2023.

Рецензирование завершено 25.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье рассматриваются основные философско-эстетические концепции теоретических работ Даниэлы Годровой (в первую очередь «Роман-посвящение» / *Román zasvěcení*), а также специфика их отражения в художественном творчестве автора. В первой части работы, основываясь на анализе завершающей главы труда «Роман-посвящение» – *Proces cum figuris*, – приводятся основные аспекты, на которые делает упор Д. Годрова: стиль, система персонажей (персонажи-архетипы), символическая структура (символы с архетипической семантикой). Во второй части работы данные аспекты рассматриваются в контексте художественных произведений автора, как 1990-х гг. (романная трилогия «Город мучений» / *Trýznivé město*), так и более современных произведений автора («Спиральные предложения» / *Točité věty* (2015), «Вызываю» / *Vyvolávání* (2010), «Эта близость» / *Ta blízkost* (2019)). Как теоретические, так и художественные тексты Д. Годровой отличаются гетерогенной структурой, сложной системой символов и аллюзий, уходящей в теорию генезиса романа и отдельных художественных приемов. Анализ специфики изложения материала в обеих

областях работы автора является важным для понимания не только своеобразия творчества Д. Годровой, но и характерных особенностей постмодернистского нарратива в чешской литературе.

Ключевые слова

Чешская литература, постмодернизм, Даниэла Годрова, роман-инициация, архетипы.

В своих работах мы неоднократно рассматривали эстетические принципы чешской писательницы и теоретика литературы Даниэлы Годровой¹. Открытым оставался вопрос о степени взаимовлияния позиции автора в художественной и теоретической областях литературы. Большая часть теоретических трудов Годровой отличается высокой объективностью и проработанностью тем, научным языком, аргументированностью и хорошей доказательной базой². Однако некоторую часть наследия автора составляют сложные, неоднозначные, написанные в постструктуралистском ключе тексты, которые нельзя назвать в чистом виде теоретическими или научными: это скорее смесь авторских художественных и теоретических интенций в области литературы и, шире, искусства. Наиболее интересными в этом отношении являются «Роман-посвящение» / *Román zasvěcení* (1993), «Места с тайной» /

1 См., напр., статьи: *Кожина С. А.* Движение как структурообразующий фактор романов Д. Годровой // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры.* М., 2020. С. 279–283; *Кожина С. А.* «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // *Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений).* М., 2021. С. 381–392; *Кожина С. А.* Специфика нарративных стратегий романа Д. Годровой *Točité věty: синтез своё / чужое, история / современность* // *Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета.* М., 2018. С. 138–141.

2 См., напр.: *Hodrová D.* ... na okraji chaosu ...: *Poetika literárního díla 20. století.* Praha, 2001; *Hodrová D.* Hledání románu. Praha, 1989; *Hodrová D.* Proměny subjektu / Ústav pro českou a světovou literaturu. Praha, 1993 и др.

Mista s tajemstvím (1994) и «Чувствительный город» / *Citlivé město* (2006). В своей статье мы выделим основные аспекты теории литературы, рассмотренные Годровой в наиболее раннем труде – «Роман-посвящение», а также соотнесем их с эстетическими особенностями непосредственно художественных произведений автора.

Текст «Романа-посвящения» относится к 1973 г., но его публикация стала возможной только спустя двадцать лет³. Он представляет собой сложный философско-эстетический трактат, в котором Годрова отображает свою концепцию генезиса романного жанра, исследуя его закономерности на протяжении многих веков развития – от «Золотого осла» Апулея до знаменитого романа «Имя розы» У. Эко. Исследовательница обнаруживает закономерности в произведениях, которые, по ее мнению, являются характерными признаками романа-инициации⁴, к ним относятся отличительные пространственные характеристики (например, лабиринт, гора, пещера и др.; действие, разворачивающееся в пространственных дихотомиях «верха» и «низа» и т. д.), специфика системы персонажей (адепт, проходящий лиминальную стадию, посвященный в таинство, дева – персонаж-помощник на пути адепта; Существо центра, наделенное мифическими функциями), которая может в той или иной степени отражать инициационный процесс, характерные символы с архетипической семантикой (смерть, голем, шем, старуха, ребенок и т. д.). Философские концепции, заложенные Годровой в изначальный текст труда, уже были рассмотрены⁵, однако

3 Первым вариантом труда должна была стать кандидатская диссертация Годровой (с одноименным названием), однако ее текст не был принят к рассмотрению комиссией.

4 Термин, введенный самой Годровой для характеристики романов, в которых центральный персонаж, проходя определенную лиминальную стадию, приобретает определенные новые функции и характеристики. Примечательно, что Годрова также указывает, что в XX в. создаются произведения-«анти-инициации», где персонажи оказываются по тем или иным причинам не способны пройти данный процесс, но характерные атрибуты, присущие текстам такого типа, остаются.

5 См. статью: Кожина С. А. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / Н. Н. Старикова, А. Н. Красовец, И. Е. Адельгейм [и др.], под общ. ред. И. Е. Адельгейм (отв. ред.), Н. А. Луньковой, Н. Н. Стариковой, Е. В. Шатко. М., 2021. С. 381–392.

в 2014 г. «Роман-посвящение» вышел снова, дополненный новой главой «*Proces cum figuris*», которая в некотором смысле обобщила выводы писательницы.

Центром главы становится анализ произведения К. Г. Юнга «Красная книга». Как замечает с первых строк главы Годрова, этот текст стал отображением «*совершенной художественной формы*»: «[...] акт письма, как и акт рисования, являлся процессом индивидуации⁶, а также процессом инициации⁷. Таким образом, специфику произведения Юнга Годрова характеризует как продиктованную актом самосознания автора, чем и объясняется сложность ее структуры, особенности стилизации и т. д.⁸: «В “Красной книге” разворачивается настоящая метафизическая драма, главной целью которой является слияние противоположностей, преодоление дуализма, соединение смысла с контр-смыслом, благодаря чему, согласно Юнгу, достигается над-смысл, приятие темного, даже дьявольского»⁹. По замечанию Годровой, стремление Юнга к самопознанию сродни поиску истоков всего сущего (или характерных черт всего сущего – универсалий), что трансформирует текст, превращая его язык из языка интимного дневникового откровения в язык универсального пророчества, чем обуславливается его метафизичность, образность и символизм.

Второй опорной точкой в «Красной книге» Юнга Годрова называет заложенные в нее **символы**. Это архетипические персонажи: анима

6 Одно из основных понятий аналитической психологии Карла Густава Юнга. Под ним подразумевается такое становление личности, при котором происходит развитие изначальных задатков и уникальных способностей личности (не путать с индивидуализацией, которая в рамках аналитической психологии основана на ложном постулате уникальности «я» в противовес коллективу). См. подробнее: *Юнг К. Г. Человек и его символы*. М., 1997.

7 *Hodrová D. Román zasvěcení*. Praha, 2014. S. 274 [здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – С. К.].

8 «Красная книга» Юнга представляет собой одновременно философский трактат, художественное произведение и своего рода форму аналитического дневника. В тексте присутствуют лейтмотивы, такие как фигура Илии или Соломеи, а также образы великого потопа, мотивы сна, предсказания, что делает его похожим на средневековые теологические трактаты и эсхатологические тексты. Произведение сопровождается иллюстрациями Юнга, усиливающие это впечатление.

9 *Hodrová D. Román zasvěcení*. S. 274.

и анимус¹⁰, тень, «сущее Я», а также мудрый старик, ребенок, мальчик. Однако здесь же Годрова отмечает, что в некоторых аспектах данные персонажи-символы могут перекликаться или же сливаться не только друг с другом, но и с формой, аллегорией, стилем и т. д.¹¹ Принципиально важным для Годровой является дифференциация персонажей «внутренних» и «внешних», причем данная дихотомия является опорной для исследовательницы и при анализе хронотопа произведений. Для наглядности следует объединить рассматриваемые аспекты в сводной таблице (в труде Годровой «Роман-посвящение» они представлены в виде нескольких таблиц):

Внешнее пространство	Граница	Внутреннее пространство
Внешнее время: неопределенное время в действительности	Момент смерти	Внутреннее время: определенное время (напр., великие праздники; начало и конец)
Смертность	In articula mortis	Бессмертие
Пространство: лес, Ад, инициационная комната (келья, пещера и т. д. – маленькое и закрытое пространство, отделенное от основного мира)	Пространство: река, мост, ворота, порог, пропасть	Пространство: лабиринт, Рай, замок (и другие социальные общественные пространства, характеризующиеся закрытостью, такие как монастырь, утопический остров), дикая природа

¹⁰ Анима и анимус – термины из аналитической психологии К. Г. Юнга, где первое олицетворяет собой женское начало, а второе – мужское. Принципиально важным этот аспект становится при характеристике так называемого «существа центра», божественной сущности: при женской инициации, согласно Годровой, здесь мы встретим Матерь Землю, Деву Марию и другую женоподобную богиню, тогда как в инициации мужского типа здесь будет Бог Отец, Христос, Дьявол, Люцифер. Стоит отметить, что существом центра Годрова также называет Божену Немцову, чешскую писательницу XIX в., так как она «стала персонажем нескольких литературных произведений» (*Hodrová D. Román zasvěcení. S. 289*).

¹¹ В контексте философских воззрений Годровой на текст и, уже, функционирование системы персонажей в нем, речь идет о слиянии дискурсов конкретных архетипических персонажей с инициационным дискурсом нарратора. Также Годрова отмечает, что все персонажи художественного текста являются своего рода аллегориями или проекциями, в связи с чем неразличимость персонажа и стиля при такой точке зрения на вопрос не представляется абсурдной.

Персонаж: непосвященный адепт	Персонаж: Посвящающий; дева	Персонаж: посвященный адепт («сущее Я»), существо центра (срединное существо; Бог / Дьявол; мистическое существо; Богиня)
Фаза инициации: смерть	Фаза инициации: переход	Фаза инициации: посвящение, воскрешение

Таким образом, все персонажи романа-инициации, согласно теории Годровой, выступают также как определенные символы с архетипической семантикой, благодаря которым инициационный процесс становится возможным. Причем речь идет даже не о конкретных субъектах, а в том числе об их образах: коллекции марионеток, картинках на картах таро, детских игрушках. Данную схему исследовательница отмечает не только в «Красной книге» и средневековых романах, под которые она стилизована, но и в произведениях современной литературы (называет и «Пиковую даму» А. С. Пушкина, и «Котика Летаева», «Москву» А. Белого, и свои произведения, в частности роман «Вызываю» / *Vyvolávání*, а также роман Яны Геффернановой «История пути на Север» / *Příběh cesty na Sever*, и многие другие). Примечательно, что Годрова отдельно не выделяет дихотомию «ребенок / старуха», которая, на наш взгляд, достаточно очевидна в предложенной исследовательницей характеристике системы персонажей: ребенок выступает в роли души «сущего Я», в то время как старуха выполняет роль стража пространства порога (согласно системе персонажей выше может выполнять роль либо девы, либо персонажа центра). Принципиально важной для Годровой здесь является гендерная специфика: старуха может выступать как существо центра только при женском типе инициации, в то время как в романах-инициациях мужского типа это может быть любое мужеподобное божественное создание (в «Красной книге» это, например, потоп)¹².

12 При том, что в романе «История пути на Север» Гоффернановой персонажем-посвятителем, существом центра, является Волшебник, однако весь роман построен как женская инициация, о чем пишет и сама Годрова (*Hodrová D. Román zasvěcení. S. 295*), что говорит о нечеткости данной схемы. Подтверждают это и дальнейшие рассуждения Годровой об «универсальных» персонажах подобного типа: Бабе Яге или Коще Бессмертном, которые могут выполнять данную функцию как в женских, так и в мужских романах-инициациях.

Однако все персонажи романа-инициации не представляют собой закрытые субъекты. В данном типе художественного произведения, как отмечает Годрова, они функционируют на нарративном уровне, который отличается гетерогенностью: для романа-инициации принципиально важным остается слияние, своего рода растворение дискурсов (особенно когда речь идет о персонажах – бинарных оппозициях, например, анима / анимус, ребенок / старуха, Бог / Дьявол, непосвященный адепт / посвященный адепт (носитель тайного знания) и т. д., что представляет собой иллюстрацию тезиса о том, что абсолюты являются отражением друг друга). «Каждый персонаж имеет в себе аспекты других, которые остаются латентными или развиваются только потом: анима – анима-тень, анима – анимус (гермафродит), анима – анимус-тень, анимы – существо центра, тень – тень-анима, тень – анимус, тень – существо центра и т. д.»¹³.

Систему персонажей и представленные ею символы в понимании Годровой нельзя отделить от **пространства** и **времени** художественного текста. Внешнее пространство характеризуется как обыденность, действительность, выход из которой возможен в момент смерти (причем смерти как физической, так и аллегорической – сон). Момент смерти характеризуется фактом пересечения границы¹⁴, нахождением персонажа на границе, а позднее – попаданием во внутренний мир, где и находятся основные персонажи-посвящения. Здесь Годрова отмечает тесную взаимосвязь инициационного процесса личности и коллектива, общества: «Можно предположить, что процессы индивидуации или инициации – процессы в основе своей похожие или даже аналогичные – протекают не только в сознании индивидуумов, их частной жизни, но происходят во всем обществе целом, в коллективном бессознательном»¹⁵. Некоторые процессы, такие как праздники (связанные с календарной обрядностью, например, Рождество), игры, являют собой проявление коллективного бессознательного: «В детских играх и поговорках встречаются как архетипические места и планы – кукла с небесами и адом, улитка-лабиринт, золотые

13 *Hodrová D. Román zasvěcení. S. 308.*

14 Стоит отметить, что характеристика пространственно-временных отношений романа-инициации у Годровой в целом соотносится с характеристикой понятия «событие» в трактовке Ю. М. Лотмана, где факт пересечения персонажем границы (семантического поля) часто маркирован именно пространственно-временными перемещениями.

15 *Hodrová D. Román zasvěcení. S. 288.*

ворота, – так и архетипические персонажи, среди которых встречается и тень, темный Иной»¹⁶. Пространства могут создавать персонажей, особенно – существа центра. Так, например, Голем является духом пражского еврейского гетто: «Можно сказать, что то, что в иной раз называют *genius loci*, проецируется на определенных персонажей, в которых отображается коллектив городских жителей»¹⁷.

Продолжая рассуждать о коллективном бессознательном, порождающем персонажи-символы, Годрова возвращается к проблеме дискурса, проблеме порождения текста-инициации. Опираясь на все вышесказанное, акт письма (обращение к персонажам, пространствам и времени с архетипической семантикой) становится актом призыва существа центра, тени, которая спровоцирует момент инициации. Подобный процесс можно наблюдать в текстах, связанных с магией, обрядами, заклинаниями, но также и, как было отмечено выше, в детских пословицах, поговорках. Данные тексты должны породить «сложные определенные предписанные процедуры и позволить наладить контакт с космическими силами и воспользоваться ими»¹⁸. Роман-инициация с его обращенностью к этим «процедурам» на уровне системы персонажей, пространства, времени, а также выстраивание нарратива-пророчества «“изображает” наше сознательное и бессознательное. Оно воплощается в магии, а также в текстах, построенных на архетипах, чтобы мы познали [их. – С. К.], до определенной меры поняли. Что еще остается опорой для человека, когда он опустится в глубины, как это происходит в “Красной книге” Юнга, может ли это быть знание, или, может, речь, слова? Может, ежедневный смех...»¹⁹. Годрова отмечает, что к подобному способу построения высказывания мы прибегаем тогда, когда все определенное (логика, структура, рациональные способы познания) отказывает и когда мы можем выразить наше представление о мире лишь на основе интуиции, словами, образами («то есть – инструментами весьма неопределенными»²⁰). Наше обращение к архетипам в этот момент носит характер обретения (или вспоминания) опыта предков, актуализации заложенных в подсознании экзистенциальных принципов. На этом месте Годрова анализирует примечания Витгенштейна к работе Юнга «Красная книга»,

16 Ibid. S. 313.

17 Ibid. S. 306.

18 Ibid. S. 317.

19 Ibid. S. 318.

20 Ibid.

в которых он сомневается в знании как таковом, так как оно не является объективным, а наследуется, то есть – является «наследственным прошлым». Однако представления Юнга и Витгенштейна, по мнению Годровой, имеют различия: Юнг говорит об определенных «образцах и схемах из коллективного бессознательного», в то время как у Витгенштейна речь идет о «наследуемом сознательном» – принципах, традициях, дуализмах и проч. При всех различиях Годрова обращает внимание и на принципиальное сходство, связанное с тем, что оба автора обращаются к прошлому, к основам миропорядка и, следовательно, к архетипическим представлениям человечества.

Далее исследовательница снова возвращается к **стилю** письма: «На обороте предыдущего листа, на котором я как раз писала, я увидела коллаж с силуэтом Градчан, Старомнестским орлоем²¹ и чудовищем неясного вида и рода. Чудовище отдыхало на голове Меланхолического ангела, фигуры из моих романов. Меня не должно было это удивить, ведь я пишу на оборотах рукописи диссертации Ф. Сантьяго Переса, посвященной моему роману “Город мучений”. На картине все указывает на то, что в следующий момент чудовище вместе с головой ангела обрушится на время человеческое и космическое, которое показывает знаменитый орлой, на коллаже выглядящий словно миниатюрная кулиса города из театра кукол. “Красная книга” Юнга, книга Витгенштейна “О достоверности”, Градчан, орлой, незнакомое чудовище, персонаж романа очевидно слились воедино – Юнг бы это слияние назвал синхроничностью – и принимают участие в процессе моего чтения и письма, подсказывают, как сознательное помогает

21 Пражские куранты или Пражский орлой – средневековые башенные астрономические часы, расположенные на Старомнестской площади в Праге. Старейшие функционирующие астрономические часы в мире (1410). Примечательно, что раз в час часы устраивают «представление»: проходит процессия из 12 апостолов, Смерть звонит в колокольчик, Тщеславие смотрит в зеркало, Скупость трясет мешочком с деньгами, а Турок отрицательно качает головой. Фигура Смерти часто встречается в произведениях Годровой; Турок – образ наиболее сложный для трактования, связан скорее всего с изображением угрозы турецких вторжений в Центральную Европу, однако в произведениях Годровой пан Турок – еврей, скрывающийся во время Второй мировой войны на Ольшанском кладбище, где и погибает; в результате своей инициации становится «персонажем, посвященным в таинство», проводником между миром живых и мертвых.

бессознательному»²². В данной цитате Годрова, с одной стороны, словно делает полный круг в своих рассуждениях относительно «Красной книги» Юнга и специфики ее стиля, с другой же – фактически дает характеристику своему творчеству в целом. Произведения Годровой отличаются гетерогенностью: автор накладывает нарративные линии, сливает воедино дискурсы отдельных субъектов с целью создания нарратива-ткани – сложной нарративной структуры, которая разрастается сразу во множестве направлений.

Дискурс художественных произведений Годровой близок в этом отношении Юнгу. Во-первых, интимное повествование о личных переживаниях (индивидуальная инициация) перерастает в универсальное «пророчество». Так, в произведениях 1990-х гг. (романная трилогия «Город мучений» / *Trýznivé město*) присутствует центральная повествовательная линия, сосредоточенная вокруг главных героинь инициационных процессов – Софии Сысловой, Алице Давидовичовой и Элишки Беранковой. Несмотря на то, что в описаниях героинь присутствуют конкретные определяющие черты и каждая имеет свою историю, в целом они функционируют как собирательный образ – главный персонаж женского романа инициации. Так, например, о смерти Алице Давидовичовой мы узнаем практически на первых страницах романа «Под двумя видами» / *Podobojí*. Эта еврейская девушка выпрыгнула из окна квартиры у Ольшанского кладбища во время Второй мировой войны. Все повествование о ней – воскрешение воспоминаний о ее жизни и смерти, а также через ее образ – отражение травмы еврейского народа в ходе Холокоста: «Алице Давидовичова возвращается одна, проходит мимо Ольшанского пруда, мимо часовни святого Роха, идет, переставляя ноги, мимо Ольшанского кладбища. Скатерть на Шаббат она держит в руках так, словно в ней спал самый младший из рода Давидовичей. Временами она покачивает сверток, тихо напевая. Я – Вениамин Давидович – последний из рода Давидовичей, ягненок персидский, ягненок даже не зачатый. Я – жизнь дважды пожертвованная. Я жду своего воскрешения, ибо царствие мое – царствие ольшанское»²³. Ее трагедия, таким образом, уходит одновременно и вглубь истории XX века, и затрагивает будущее. Образ Софии Сысловой во многом обнаруживает параллели с образом Алице, однако ее нарратив затрагивает более широкие слои исторического прошлого: она может проникать в него, раскручиваясь на стуле в кабинете отца.

22 *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 319.

23 *Hodrová D.* Podobojí. Praha, 2017. S. 84.

Имя Софии, в переводе с греческого означающее «мудрость», отражает ее роль в произведении: она становится способом оживления воспоминаний о Праге, завершение инициации для нее – обретение памяти об истории города. Элишка Беранкова – мифическое сплетение двух этих героинь, подобно Софии Сысловой актуализирует воспоминания, проходя городскими кварталами, подобно Алице – является собирательным образом трагической смерти.

В начале произведений героини выступают в функции «непосвященных в таинство адептов», которых смерть толкает к началу процесса инициации (Алице погибает, падая из окна, София была зачата, когда ее родители чудом избежали смерти, а значит, она не должна была появиться на свет, Элишка ищет погибшего отца, ради чего проникает за порог смерти). На пути они встречаются разного рода персонажей границы: это, например, Шипков Юра, также персонаж-лейтмотив произведений Годровой, который становится косвенной причиной смерти Алице, Создание, которое водит с собой пан Хаун²⁴, и т. д., что свидетельствует о пересечении границы персонажами.

Еще одним маркером инициации является движение. Как правило, оно направлено вниз: София Сылова смотрит вниз из окна ольшанской квартиры, Алице Давидовичова падает из окна, спускается с холма к Ольшанскому кладбищу и т. д. Движение вниз – специфический маркер катасиса в произведениях Годровой; также оно часто имеет спиралевидный характер. Преодоление границы между внешним и внутренним миром маркировано: ворота, окно, туннель, прохождение через которые становится символом перехода во внутренний мир.

Характерным пространством инициации, «внутренним миром», оказывается комнатка в квартире с видом на Ольшанское кладбище. В этом пространстве обитают мистические существа, птица Камердинер и крыса Камердинер, здесь актуализируются воспоминания о ранее живших, но умерших людях. В это «место с тайной»²⁵

24 Еще один персонаж-лейтмотив произведений Годровой. Впервые встречается в романе «Тета», ведя мистическое Существо на поводке. Утратив Существо (старт инициационного процесса), пан Хаун блуждает по Праге в попытках найти его. Существо олицетворяет собой душу пана Хауна. Инициация пана Хауна представляет собой тип анти-инициации, Существо пан Хаун так и не нашел, он продолжает блуждать по лабиринту Праги, превратившись в персонажа-тень.

25 См. подробнее *Кожина С. А.* Пространство Праги как архитектурный текст в произведениях Д. Годровой // Топос города в синхронии и

проникает лишь небольшой лучик солнца, оно отгорожено от внешнего мира. Подобную функцию несет в себе и Ольшанское кладбище, где действует особое время, где наслаиваются воспоминания о разных эпохах. Оказавшись в этом «внутреннем мире», героини сталкиваются с образами ушедшего прошлого, оказываются в сфере коллективной исторической памяти: «И в этом смысл Ольшанской консолидации, все должны быть такими, какими должны, остальное их интересоваться не должно. Лейтмотивом этого бесконечного процесса является то, что эта посмертная жизнь (Да какая же это жизнь, воскликнет Алице Давидовичова, если только существование, да и это слово не совсем то, – гробовщичество²⁶) выходит из берегов, постепенно переливается через стену кладбища, растекается по прилегающим улицам. И наоборот – то, что раньше жило снаружи, за стеной, постепенно умирает и переходит через стену. Это наивысший переход – Пасха – Песах. Мертвые словно оживали, а живые плетутся словно мертвые. И никто уже не разберет, где кончается жизнь, а где начинается смерть»²⁷. События истории наслаиваются друг на друга и проступают одно через другое: в первую очередь это, конечно, события XX века, но с ними тесно переплетаются более ранние факты прошлого и легенды (например, о воинах горы Бланик²⁸). В пространстве «безвременья» героини сталкиваются не только с прошлым, но и с будущим, что мы видим на примере цитаты о нерожденных поколениях потомков погибшей Алице. Пространство хтонического безвременья романов Годровой, таким образом, становится пространством существования (или сосуществования) всего времени вообще.

диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатько. М., 2023. С. 285.

26 Здесь и далее сохранены синтаксис и написание строчных и прописных букв оригинала.

27 *Hodrová D. Podobojí // Trýznivé město. Praha, 2017. S. 139.*

28 Гора Бланик (638) – важное место паломничества в Чешских землях. Легенда о спящих в горе воинах распространилась еще в период позднего Средневековья, однако широкое распространение она получила после издания книги В. К. Клицперы «Бланик» 1813 г. Согласно легенде, воинство под предводительством святого Вацлава, патрона Чешских земель, пробудится, когда для страны настанет самое темное время. В своих произведениях Годрова часто обращается к локусу Бланика, обыгрывая легенду о нем.

В произведениях Годровой 2000–2010-х гг. акцент смещен на рефлексивность процесса письма, порождения текста. В них усиливается автобиографический элемент. В связи с этим усложняется и структура текста: как таковое отсутствует центральное событие, нарративы наслаиваются друг на друга, отсутствуют четкие переходы между частями. Границы, пересекаемые персонажами, становятся менее очевидными и редко маркированы так явно, как в романах 1990-х гг. Однако Ольшанское кладбище, квартира на Жижкове, Старое еврейское кладбище остаются центрами эпического напряжения: вокруг них аккумулируются воспоминания. Более сильной становится линия Даниэлы – персонажа, который выступает своего рода авторским двойником в романе. Она не переживает смерть в прямом смысле слова, но ее аллегорическое путешествие-инициация начинается со столкновения со Смертью: «Я посадила маленькую Смерть, куклу с игрушками на Вацлавской площади [...]»²⁹. Примечательно, что первая глава романа «Спиральные предложения» / *Točité věty* носит название «В лесу» (лес в философской концепции Годровой является внешним пространством, отправной точкой катабасиса), вторая – «Пейзаж с мельницей и замком» (замок – пространство внутреннее, следовательно – пространство инициации), а заключительная – «Снова в лесу» (что говорит о «воскрешении» в обычном мире). Даниэла, таким образом, путешествуя по страницам романа, проходит весь путь непосвященного адепта к таинству. В процессе, как и София, Алице и Элишка, Даниэла встречает «мистических существ», например, Создание пана Хауна, женщину с лицом, поросшим шерстью (образ старухи характерен для существа центра при женском типе инициации). Сохраняется и собирательность ее образа: «Мне не оставалось ничего, кроме как произнести свое имя, оно прозвучало как чужое и с эхом так, что я усомнилась, а мое ли это на самом деле имя, я поняла, что в нем заключено множество имен, некоторые из них уже прозвучали и были облачены в историю [...]»³⁰.

Однако если в произведениях 1990-х гг. речь шла в первую очередь о рецепции коллективной исторической памяти в широком смысле, то в романах 2000–2010-х гг. травмирующие события прошлого рассматриваются сквозь призму более конкретной травмы Даниэлы – старение и умирание близких и друзей, утрата воспоминаний о них. Этот дополнительный тематический пласт, на наш взгляд, с одной

29 *Hodrová D. Točité věty. Praha, 2016. S. 6.*

30 *Ibid. S. 340.*

стороны, сужает инициационный процесс, делает его более личным, но сохраняет при этом широту обобщений: инициация Даниэлы является аллегорической инициацией человечества вообще и читателя в частности: «Знай, ты, этим путем идущий, что все, что случается с теми, кого ты встречаешь, случается и со мной, я – Богунька и Адриена, я – Милена и Хлоя, я – Гипатия³¹, которой обломки ракушек и глиняных кувшинов содрали кожу, а потом – брошенная толпе, которая ее растоптала, это ее, мое, лицо увидела однажды Ева Маркартова в трамвае номер 9, математик до сих пор бежит, я Б. Н.³², и эта пахнувшая львом княжна на Вышеграде, я дворянка на коленях Кафки, во мне заключены философы и демоны, и то, кем все были и являются, ими была я, я была и я есть теми, кто будет, я буду, однажды, прямо как сейчас»³³ / «Вот этот путь человека является в то же время путем слова, которое к нему приходит, является путем письма, которое на бумаге выстраивается из колечек и петелек, прямо упивается ими, еще не подозревая, что колечки и петельки умирают, скоро, ох, скоро настанет судный день, и старое письмо будет исправлено [...]»³⁴.

Таким образом, произведения Годровой отражают в себе в той или иной мере философско-эстетические концепции автора, представленные, в частности, в работе «Роман-посвящение». Это помещение события в определенное инициационное **пространство** катабасиса, где персонаж проходит лиминальную стадию, контактирует со смертью в той или иной форме (Ольшанское кладбище, комната

31 Гипатия (Ипатия) Александрийская – женщина-философ и математик времен поздней Античности, последователь неоплатонизма. По сохранившимся заметкам современников, была широко известна и имела определенный вес в политике. Это привело к тому, что ее противники распространили слухи о ее занятиях магией. Беснующая толпа в 415 г. во время Великого поста напала на Гипатию и буквально разорвала ее, сдирая с нее кожу обломками глиняных кувшинов. Тело Гепатии таскали по городу привязанным к лошадям, а позже сожгли. Смерть Гипатии вызвала резонанс в обществе, а расследование дела привело к изменениям в политике города.

32 Под этой аббревиатурой скрывается Божена Немцова. Годрова часто проводит параллели между своим писательским путем и путем Немцовой. Немцова, согласно философским воззрениям самой Годровой, также выступает как символ с архетипической семантикой «женщина-писатель».

33 Ibid. S. 297.

34 Ibid. S. 11.

в квартире с окнами на Ольшанское кладбище, Старое еврейское кладбище и район Йозефов и т. д.); выстраивание **нарратива-безвременья**, где повествования о разных временных пластах истории наслаиваются друг на друга, создавая своего рода палимпсест, палимпсест города Праги, которая видела века человеческих жизней; создание **персонажей-символов**, становящихся своего рода масштабным обобщением, благодаря чему их инициация универсальна, является собирательной моделью инициации человека вообще. Для персонажей Годровой характерен женский тип инициации: женские героини, столкнувшиеся со смертью либо пережившие ее, стремящиеся к поиску утраченного (София – прошлого, Элишка – погибшего отца, Даниэла – воспоминаемый об умерших родных и близких и т. д.). Примечательно, что в романе «Спиральные предложения» в главе «Снова в лесу» героиня задается вопросом «Я снова в начале? В другом начале?»³⁵, переходя после этого к рассуждениям о письме: «Среди предложений как раз пробежало стадо козочек [...]. Будет все повторяться как театральная постановка или все в этот раз будет по-другому? Или просто последнее предложение или три вопросительных предложения, А как же королевство? будет? есть? обернулись змейкой вокруг начала, первого предложения, в котором я маленькую куклу Смерти, ту, которую я купила в магазине игрушек на Вацлавской площади и которая уже играла в моих предыдущих романах, посадила на сцену в кукольном театре, и это первое предложение зарылось в последних предложениях так сильно, что брызнула кровь, по счастью в платок с большим темно-синим узором, который у меня на всякий случай был в руке?»³⁶. Дальше все повествование сосредотачивается на процессе письма: воспоминания о родных и близких, которые были разбросаны по тексту романа, сгущаются, суггестируются вокруг символов, цифр и букв, складываются в имя БОГУМИЛА ГРЁГЕРОВА³⁷. Таким образом, письмо становится

35 Ibid. S. 344.

36 Ibid.

37 Богумила Грёгерова (1921–2012) – чешская писательница и поэтесса, переводчица. Известна своими экспериментальными произведениями, составившими сборник «Меандры» (1996), а также последними романами, в частности «Мой лабиринт» (2014). Близкая подруга Даниэлы Годровой. Их творчество обнаруживает множество философско-эстетических сходжений, что видно уже из названий: меандр – изгиб реки, а также напоминающий петли узор; лабиринт – традиционный символ инициации у Годровой. Роман «Мой лабиринт», во многом автобиографический, повествует

способом восстановления воспоминаний, в данном случае – воспоминаний о подруге. «Тайным знанием», к которому стремится персонаж на протяжении всего пути, является сам путь, оформленный в письмах и цифрах, символах, которые воспринимаются как единственный способ отразить бесконечно ускользающее время.

Источники и литература

Кожина С. А. Движение как структурообразующий фактор романов Д. Годровой // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 279–283. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.08.

Кожина С. А. Пространство Праги как архитектекст в произведениях Д. Годровой // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 275–303. DOI: 10.31168/7576-0481-7.5.

Кожина С. А. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 381–392. DOI: 10.31168/2618-8554.2021.23.

Кожина С. А. Специфика нарративных стратегий романа Д. Годровой *Točité věty*: синтез своё / чужое, история / современность // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 138–141.

Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Медков, 1997. 368 с.

Hodrová D. Hledání románu. Praha: Československý spisovatel, 1989. 275 s.

Hodrová D. ... na okraji chaosu ...: Poetika literárního díla 20. století. Praha: Torst, 2001. 866 s.

жизни в поствоенной Чехословакии, где события объединены темой лабиринта. Цитаты из работ друг друга авторы «прячут» в своих текстах. Годрова также рассуждала о том, чтобы поменяться названиями произведений.

Hodrová D. Proměny subjektu / Ústav pro českou a světovou literaturu AV ČR. Praha: Ursus, 1993. 178 s.

Hodrová D. Román zasvěcení. Praha: Malvern, 2014. 336 s.

Hodrová D. Točité věty. Praha: Malvern, 2016. 376 s.

Hodrová D. Trýznivé mesto. Praha: Malvern, 2017. 660 s.

References

Jung, C. G. *Chelovek i ego simvol'y*. Moscow: Medkov, 1997, 368 p.

Kozhina, S. A. “Dvizhenie kak strukturoobrazuiushchii faktor romanov D. Godrovoi.” *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchionykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2020, pp. 279–283. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.08.

Kozhina, S. A. “Prostranstvo Pragi kak arkhitektext v proizvedeniiax D. Godrovoi.” *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 275–303. DOI: 10.31168/7576-0481-7.5.

Kozhina, S. A. “«Roman-posviashchenie» D. Godrovoi kak teoretiko-filosofskoe issledovanie mifopoetiki teksta.” *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'inoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)*. Moscow, 2021, pp. 381–392. DOI: 10.31168/2618-8554.2021.23.

Kozhina, S. A. “Spetsifika narrativnykh strategii romana D. Godrovoi Točité věty: sintez svoio / chuzhoe, istoriia / sovremennost'.” *Slavianskii mir: iazyk, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia zasluzhennogo professora MGU imeni M. V. Lomonosova A. G. Shirokoi i 75-letiiu kafedry slavianskoi filologii filologicheskogo fakul'teta*. Moscow: MAKS Press, 2018, pp. 138–141.

Hodrová, D. *Hledání románu*. Praha: Československý spisovatel, 1989, 275 p.

Hodrová, D. ... *na okraji chaosu ...: Poetika literárního díla 20. století*. Praha: Torst, 2001, 866 p.

Hodrová, D. *Proměny subjektu, Ústav pro českou a světovou literaturu AV ČR*, Praha: Ursus, 1993, 178 p.

Hodrová, D. *Román zasvěcení*. Praha: Malvern, 2014, 336 p.

Hodrová, D. *Točité věty*. Praha: Malvern, 2016, 376 p.

Hodrová, D. *Trýznivé mesto*. Praha: Malvern, 2017, 660 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.13

S. A. Kozhina

“Proces cum figuris”: reflection of the philosophical and aesthetic concepts of D. Hodová’s works

Svetlana A. Kozhina

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lana-0391@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation

Kozhina S. A. “Proces cum figuris”: reflection of the philosophical and aesthetic concepts of D. Hodová’s works // Slavic Almanac. 2024. No 1–2. P. 256–273 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.13

Received: 12.09.2023.

Revised: 25.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article discusses the main philosophical and aesthetic concepts of the Daniela Hodrová’s theoretical works (primarily the *Román zasvěcení*), as well as the specifics of their reflection in the author’s artistic work. In the first part of the work, based on the analysis of the final chapter of the “Dedication novel” – *Proces cum figuris* – the main aspects that D. Hodrová focuses on are outlined: style, system of characters (characters-archetypes), symbolic structure (symbols with archetypal semantics). In the second part of the work, these aspects are considered in the context of the author’s literary works, both from the 1990s. (the novel trilogy *Trýznivé město*), and later ones (*Točité věty* (2015), *Vývolávání* (2010), *Ta blízkost* (2019)). Both the theoretical and literary texts of D. Hodrová are distinguished by a heterogeneous structure, a complex system of symbols and allusions, going back to the theory of the genesis of the novel and individual literary tropes. An analysis of the specifics of the presentation of material in both areas of the author’s work is important for understanding not only the originality of D. Hodrová’s work, but also the characteristic features of the postmodernist narrative in Czech literature.

Keywords

Czech literature, postmodernism, Daniela Hodrová, initiatory novel, archetypes.